ЗВОНИТЕ НАМ:
ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ (3519) 39-60-74
ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА РЕКЛАМЫ (3519) 39-60-79

Творчество

Юный к Горе не пойдёт

Молодых литераторов больше занимают собственные тараканы в голове, нежели то, что происходит за её пределами

Интересно, что многие магнитогорские писатели, к которым их музы снисходили ещё в советские времена, но, столкнувшись с цензурой, нередко возносились обратно, теперь скучают по госконтролю за литературным словом.

Вот и прозаик Георгий Гора (на фото) чуть ли не со светлой грустью вспоминает «заботу» государства о печатной продукции. Об этом он рассказал в центральной городской библиотеке имени Б. Ручьёва, где прошёл его творческий вечер в клубе литературных встреч. Он поделился с публикой вехами своей биографии, пошутив, что это на случай, «если, не дай боже, кто-нибудь его не знает».

В творческом арсенале Горы всего две книги в мягком переплёте не толще вузовских методичек. Обе вышли три года назад, и с тех пор автор собирает материал для нового издания. Пишет Георгий Леонидович в основном рассказы, хотя закан-

чивает и повесть. Вообще же на перо он стал налегать лишь в 2007 году, после переезда в Магнитогорск и знакомства с Юрием Ильясовым и Еленой Холодовой. Ильясов был всего на год старше Горы, а Холодова годилась во внучки. Однако эти два мастера поэтического слова стали для Георгия Леонидовича литературными родителями.

Георгию Горе 64 года, а как писатель он родился в 1972 году, когда в «Сибайском рабочем» опубликовали его первый рассказ. С 1974 года жил в Душанбе. Десять лет был корректором в издательстве. Затем преподавал печатное дело в полиграфическом училище. Освоил в университете специальность химика-биолога, но вернулся на издательское поприще редактором.

– Сильные впечатления остались от Таджикистана, – вспоминает Георгий Леонидович. – Там пережил всё самое неприятное, что только со мной случалось. Перестройка, разруха, гражданская война. Бомбёжка и частые обстрелы – стены от пуль превращались в решето! Русские бежали из страны. Я уехал в 1996 году и обосновался в Магнитке.

– Почему решили писать, ведь всю жизнь корректировали и редактировали? – спрашиваю Гору.

– Думаю, передалось по наследству. У меня отец писателем был – видимо, это где-то в генах заложено. Но мне повезло больше, потому что отец никогда не издавался.

– А может, всё-таки правили чей-нибудь текст и думали, что лучше бы написали?

– Когда текст с фактическими ошибками, всегда хочешь их исправить. Однако я пишу по-своему и не могу ни на кого жаловаться.

– Из неопубликованного много ещё в столе?

– Примерно на две книги – страниц 120–140.

– Насколько автобиографичны ваши произведения?

– Элементы фантазии есть. Но вот, например, рассказ об училище: сам работал в техникуме, и прототипами стали бывшие коллеги. Хотя многие описанные ситуации – это вымысел. Решил проверить, как мои герои себя в них поведут.

– Большинство молодых авторов пишут «о себе любимых». А вы рассказываете истории о других, и это намного интереснее.

– Время такое, да и нет у них опыта и знания жизни. Всё, кроме душевных переживаний, понимают плохо и даже не хотят понимать. Вот государство контролирует продукты питания, чтобы потребитель не отравился. Но когда выходит некачественная литература, почему-то никто на это не обращает внимания. Разрешили печатать за свой счёт всё что угодно. Три года назад в Магнитогорске Владимир Кряквин опубликовал книгу «Опера без погон и званий» – в ней полторы тысячи ошибок! Безумно расстроился, когда прочитал этот «труд»! Если «Оперов» дать школьнику, быть ему духовным инвалидом. Другая книга – стихи Николая Осипова – вышла в прошлом году, и там тоже огромное количество ошибок. Такое нельзя издавать, ситуацию необходимо контролировать…

> Тяжёлым единодушно был признан рассказ «Диссидентка Вера» о нашей жизни при Брежневе

На творческом вечере Георгий Гора прочёл несколько рассказов, которые публика воспринимала по-разному: порой смеялась вместе с автором, а после некоторых фраз была смущена. Так, тяжёлым единодушно был признан рассказ «Диссидентка Вера» о «нашей жизни при Брежневе». Напряжение повисло в воздухе с первых же строк: «Большевики очень любили давать городам свои имена. Был у нас Ленинград, был Фрунзе, Свердловск, Калинин. Но при этом возникала одна проблема: чтобы войти в историю, надо было сначала умереть. Имена живых большевиков городам не давали… В начале 70-х я учился в одном таком городе-перевёртыше на заочном отделении полиграфического техникума. Город назывался Куйбышев – бывшая Самара. Прекрасный, но противоречивый город. Здесь сочеталось несочетаемое. Во-первых, в Куйбышеве действовали больше двух десятков церквей и монастырей, и по утрам над городом низко стелился удивительно чудесный колокольный звон. А по церковным праздникам по улицам друг другу в затылок цепочкой шли старушки-верующие, в чёрных платочках. Но с другой стороны, во время войны в город эвакуировали сотни тысяч беженцев с оккупированных территорий. В результате Куйбышев превратился в большую свалку отбросов. Здесь убивали, грабили, насиловали ежедневно и почти в открытую – на улицах, в парках, общественных туалетах и где угодно. Таким был Куйбышев в начале 70-х – город верующих и преступников…»

Книги Георгия Горы «День рождения» и «Рубиновые угольки» читатель сможет найти в городских библиотеках. «Диссидентка Вера» готовится к изданию. Литературные встречи проходят в библиотеке имени Б. Ручьёва каждую последнюю субботу месяца в 15.00.

Максим Юлин

Нобелевская премия

Капитан народной памяти

Белорусская писательница Светлана Алексиевич, автор таких произведений, как «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью», «Чернобыльская молитва», «Время сэконд хэнд», стала лауреатом Нобелевской премии по литературе «за полифонические сочинения, цикл документально-художественных произведений «Красный человек. Голоса утопии».

Алексиевич, безусловно, часть российской культуры. Её книги появились в Советском Союзе, когда читатели впервые осознанно захотели узнать правду о себе. По настоящему большим писателем Алексиевич признали за постижение уроков нашей общей истории, общей судьбы и общей трагедии. Её произведения – не документ, не фиксация чужого опыта, они сложнее. Это художественный текст, через который можно увидеть полноценный образ времени, услышать его живой и многоголосый гул.

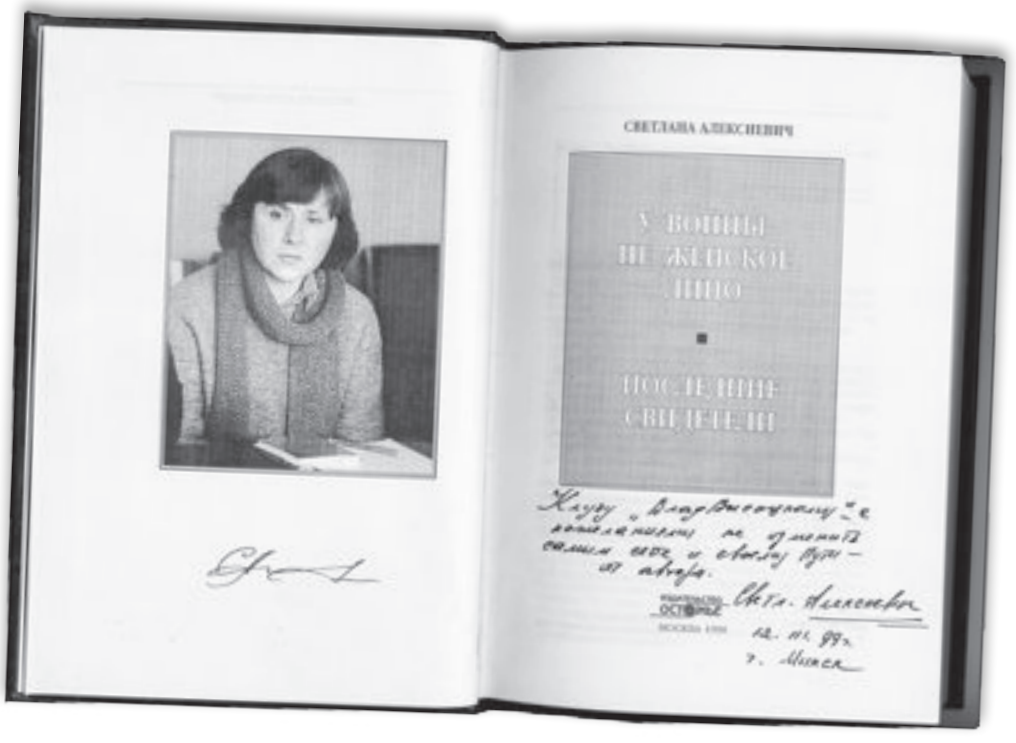
«Мы быстро забываем, какие мы были десять или пятьдесят лет назад! А иногда стыдимся или сами уже не верим, что так оно с нами и было. Искусство может солгать, а документ не обманывает. Я складываю мир своих книг из тысяч голосов, кусочков нашего быта и бытия. Записываю 500–700 человек. Моя хроника охватывает десятки поколений», – говорит Алексиевич…

В конце 90-х годов я работал преподавателем права в торговом техникуме, где со студентами на уроках обсуждал различные юридические вопросы, рассказывал о новинках современной литературы. Результатом горячих классных дебатов стало рождение студенческого клуба «ВладВысоцкий». Активисты этой неформальной организации знакомили своих товарищей с песенной стихией поэта, проводили литературные гостиные на основе произведений Алексиевич «Цинковые мальчики» и «Чернобыльская молитва».

Студенты направили письмо о своих впечатлениях «товарищу Свете» по адресу: «Минск, народной писательнице Беларуси Алексиевич» и пригласили её в гости. Ребята писали: «По праву памяти трагичных дней, / Сжимая микрофон, как пистолет, / Ведёт в атаку «Цинковых ребят», / Творит «Молитву», как набат, / Товарищ Света, совести народной капитан».

Через полгода «неформалы» техникума получили солидную бандероль с книгами, подписанными автором, и долгожданной открыткой.

«Дорогие ребята, спасибо за ваше прекрасное письмо. В нём тот дух молодости, силы, веры, который так редко встречается. Я рада, что вы и ваши учителя выстояли среди смуты и депрессии сегодняшних дней. Желаю сохранить этот дух до конца вашей жизни. В Средней Азии есть прекрасное пожелание другу – «Не уставайте!» Это я и хочу вам пожелать. Будем надеяться, что когда-нибудь мы в этом мире и встретимся. Не уставайте! Ваша Светлана Алексиевич. 12 марта 1999 года, Минск».



Валерий Ефимов, краевед